

Юрий Меркеев

*Две
полурыбки*

Юрий Меркеев

Две полурыбки. Повесть

«Издательские решения»

Меркеев Ю.

Две полурыбки. Повесть / Ю. Меркеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745289-6

Романтическая история любви. Есть такая незамысловатая городская легенда о том, что во время случайной встречи мужчины и женщины каждый из них достает магический талисман — серебряную полурыбку, брелок — и соединяет две половинки. Совпадет или не совпадет? История дней сегодняшних... Школьный роман.

ISBN 978-5-44-745289-6

© Меркеев Ю.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Две полурЫбки Повесть

Юрий Меркеев

Федор Михайлович Достоевский однажды до слез довел свою молодую жену словами: «Я думал, что ты – одна из миллиона! А ты оказалась... тысячью из миллиона!» Отношения у них были трогательные и страстные...

© Юрий Меркеев, 2017

ISBN 978-5-4474-5289-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Есть такая незамысловатая городская легенда о том, что в неизбежной суете обыденной жизни у каждого мужчины и женщины всегда припасены брелоки в виде небольших серебряных полурыбок – не просто изящный сувенир, но Талисман, который только и может соединить две ищущие души. Выглядит это примерно так: встречаются мужчина и женщина, симпатизируют друг другу, даже иногда влюбляются, и в самый сокровенный момент должны вытащить полурыбки и приложить одну к другой, и посмотреть, совпадет ли сложный рисунок чешуек, совпадет ли вес и размер, совпадет ли все до мельчайших подробностей в сокрытых от глаз узорах... Обычно не совпадает, потому как вероятность этого – один случай на миллион. Один случай на миллион! Но на то он и случай, что бывает это редчайшее совпадение. Это не сказка, это обычная городская легенда, а легенды, как известно, несут в себе зернышко правды...

Вроде бы все у него было в порядке: красивая и не слишком требовательная жена; в меру ворчливая теща; молчаливый тесть; скромная пенсия по инвалидности за полученное ранение в ногу во время командировки на Северный Кавказ; неплохая работа по первой своей художественной профессии с небольшим, но стабильным заработком, и любимое дело, в которое он мог уходить с головой как в медитацию или молитву, так, что для него словно бы переставало существовать время. Работал Сергей, или, как его звали на работе Сергей Петрович, учителем в одной из местных городских школ, где преподавал рисование в младших классах. А после работы, приходя домой, доставал из ящика письменного стола деревянную заготовку, брал резец и начинал вырезать из дерева очередную фигурку. То из-под его резца выходил корабль, то – крохотный медвежонок, то – цветок, то – что-нибудь абстрактное, в котором при желании можно было увидеть и цветок и корабль одновременно, то – и вовсе ничего не выходило. Но была у него среди поделок одна, которую он никак не мог довести до совершенства, посмеиваясь над своей неумностью в работе, смутной тревогой, которая возникала у него, стоило ему взять в руки уже почти законченную фигурку девушки; и не раз, снимая резцом очередную шероховатость на изгибе руки или плеча или талии, он вспоминал легенду о Галатее, об ожившем творении скульптора, в которую тот влюбился без памяти. Вспоминал и чувствовал, что в этой красивой сказке, в этой вымышленной истории содержится куда больше реальности, чем во многих других историях из так называемой реальной жизни. То была иная реальность, которую можно было почувствовать, но нельзя увидеть. Ему казалось, что когда резец снимет последнюю ненужную линию этого образа, тогда в душе его из неясной еще, но довольно сильной энергии, заставлявшей столько времени вглядываться в неодушевленный кусочек пространства и убирать из него все лишнее, явится воплощенное чувство Гармонии, – ведь рука любого творца, каким бы скромным делом он ни занимался, находится в зависимости не только от его острого взгляда, но и от тех душевных движений, в которых сокрыта тайна искусства.

Сергею было двадцать четыре года. Многие его странности, над которыми добродушно посмеивалась почти вся его родня, – тесть, теща и даже его собственные родители, – значили для него гораздо больше, чем это полагали близкие ему люди, уверенные, что блажь эта – резать фигурки из дерева, вместо того, чтобы заниматься настоящим мужским делом, приличествующим молодому умному мужчине, то есть зарабатывать деньги, добиваться власти, карьеры, тем более, что к нему не раз приходили друзья-однополчане и звали его на офицерские должности в экспертно-криминалистический отдел МВД, – блажь эта вскоре пройдет. Только не рассказывал им Сергей о том, как однажды он согласился провести один день с друзьями на работе в милиции в качестве практиканта, и что из этого вышло. Не рассказывал, как поехали они с сотрудниками уголовного розыска проводить оперативные мероприятия по поиску украден-

ной машины местного начальничка ... Как майору Тузову захотелось во что бы то ни стало раскрыть эту кражу самому любой ценой. Как впустую промотались весь день, а потом Тузов нашел крайнего – мальчонку лет тринадцати из близлежащей деревни... Тщедушный такой, уши торчком, глаза навывкате. «Это, – объявил Тузов. – Известный в округе похититель велосипедов и мотоциклов Федя Пупырин. Ща мы с ним поработаем, мигом расклад получим...» Федя аж затрясся от страха. Привезли его в отдел, а мальчишка тянет за рукав Сергея и, едва сдерживая слезы, шепчет: «Дяденька, скажите им, чтобы они меня только по голове не били. У меня там пластина стоит. Меня в детстве папка пьяный ударил по темечку каблуком маминой туфли и голову-то пробил. У меня там титановая пластинка, дядечка. Вы меня только по голове не бейте.» Так все это задело Сергея за живое, что отпустил он мальчугана на свой страх и риск да денег ему еще сунул, чтобы тот до деревни сумел добраться. Разумеется, после такой практики ни о какой милиции больше и речи не было. Однако, никто из родственников Сергея об этой истории не знал, не говорил он им, чтобы не огорчались. А те считали, что у Сергея после ранения и контузии на войне блажь какая-то началась. Но вслух ничего не говорили, да и обижаться по-настоящему не могли. На все их намеки по поводу возможной работы в милиции Сергей отвечал тихой, подкупающе мягкой, доверчивой улыбкой, за которой, очевидно, скрывалась какая-то тайна, разгадать которую они были не в силах. Иногда, впрочем, это их возмущало, иногда злило, иногда приводило в замешательство. Однако даже они, эти крепкие двухильные существа, забывающие, порой, о деликатности в обращении с близкими, – даже они не могли рассердиться на Сергея по-настоящему. Потому что было во всем его облике нечто такое, что умирало их гнев и сводило справедливую, как им казалось, напористость к легкому пожатию плечами, недоуменному переглядыванию между собой и тихому заключению, не раз произносимому вслух в присутствии самого героя: «Чудак, и лентяем не назовешь. Станный... Впрочем, пройдет. Нужно дать время.»

Один только раз тесть взорвался. Он пришел с работы уставший и пьяный, а по пути домой кто-то из соседей в голос пожалел его, беднягу, за непутевого зятя. Василий Иванович еще не успел разуться, как с порога заревел: «Что ж ты дочь себе такого инвалида нашла! На пенсию его да зряплату в школе вы скоро ноги протянете. Чужой он! И нам чужой и тебе!»

Сережиной жене казалось, что во всем было виновато его увлечение резьбой. Ведь когда он приходил с работы, садился за стол и извлекал недоделанную фигурку, Оксана, незаметно наблюдавшая за выражением его лица, не один раз отмечала, как при этом менялся его взгляд. Он становился не просто сосредоточенным, какой бывает у человека, занятого тонким и кропотливым делом, но в нем появлялось что-то для нее новое, непостижимое. Глаза оставались добрыми как всегда, добрыми... но чужими, будто видел он не кусочек обработанного дерева, а женщину из своих грез, ту самую, одну на миллион, с которой совпадет его серебряная полурыбка. И это пугало Оксану больше всего. В такие минуты ей казалось, что она абсолютно не знает своего мужа и перед ней находится чужой человек – чужой человек со знакомым профилем. В те мгновения, когда он уходил в свое любимое дело, весь окружающий мир, включая ее, самого близкого человека, переставал для него существовать. Это была молитва богу, немая мольба о том, чтобы ниспослано было то редкое и единственное счастье, которое один случай на миллион. Это был безмолвный крик нищего на паперти, который вымалывает у Бога любви... Когда Сергей брал в руки фигурку, оставались в этом мире только он и она, маленький творец и гигантская по затратам его сил фигурка. И больше никого вокруг. Наверное Оксана ревновала Сергея к его увлечению, и эта ревность вспыхивала с новой силой, когда он брал в руки не корабли, не лилию, не медвежонка, а ту незавершенную фигурку девушки, которая Оксане не давала покоя. Не раз в сердцах у нее чуть не слетало я языка язвительное: «Живем как шведской семьей – я, ты и твоя деревянная кукла.»

Оксана любила и тревожилась, и задавала вопросы... «Что случилось, Сергей? – спрашивала она, с волнением поглядывая на своего мужа. – Почему в последнее время ты ничего

о себе не рассказываешь? Почему на все мои вопросы ты отвечаешь только улыбкой? Почему? Почему?» Сережа мягко обнимал ее за плечи и произносил ту самую округлую фразу, которую она неоднократно слышала и от мужа, и от отца, и от своих подруг, в искренность которых, впрочем, она уже давно не верила. «Подожди, пройдет, дай мне время... Наверное, это контузия...»

2

Друзей у Сергея почти не было. Сослуживцы по командировкам почти все определились в милицию, обвыкли там, заматерели, брали теперь от жизни все, что она дает, и даже больше... Два-три школьных товарища, забегавшие в иные времена посплетничать об общих знакомых, покурить и выпить вина, исчезли из его жизни примерно в то самое время, как Сергей решил изменить образ жизни – перестал есть мясо и выпивать.

Теща, привыкшая к странностям зятя, тем не менее очень болезненно отреагировала на его отказ от мясной пищи. Вегетарианство она считала одним из самых великих заблуждений человечества, была убеждена, что всякий христианин должен на исповеди каяться на Мясопусной Неделе за то, что не ел мяса, – ведь каются же православные во время Поста, что мясо едят, стало быть и наоборот нужно! – часто говорила, что Толстой Лев Николаевич мог бы прожить еще лет двадцать, если б не сглупил, отказавшись от мяса в пользу растительной пищи. Иными словами, Екатерина Васильевна была яростной защитницей мясоедства и с превеликим удовольствием проглотила бы какого-нибудь худосочного вегетарианца во время их гнусных проповедей отказа от мяса... Однако, – такова, видно, тяжкая доля всех тещ, – и к этой странности своего контуженного зятя она постепенно привыкла. «Повзрослеет еще... и блажь пройдет», – думала она.

Однако блажь не проходила. А вместе с этим в их доме стали появляться странные личности, особенно же выделялись худые, разряженные под хиппи, девицы, во внешности которых тесть усмотрел ту же отстраненность от жизни, что иногда всплывала во взгляде Сергея. В комнате зятя иногда висел какой-то тяжелый табачно-свинцовый дым, играла странная музыка и время от времени все собравшиеся там безудержно хохотали, хотя повода, кажется, никакого не было. Среди девиц выделялась одна – она была очень красива лицом. Звали ее Вероника. Однажды случилось так, что дома у Сергея никого не оказалось, а Вероника почему-то была одна. Она дала ему затянуться папиросой, потом полезла в карман своих потертых джинсов и достала оттуда серебряную полурыбку. Сережа достал свою и... рассмеялся – у него был хвостик от морского окуня, у нее – голова болотного сазана.

Продолжались эти «творческие вечеринки» не долго. Однажды тесть Сергея глубокомысленно изрек: «Это сектанты. Какое-то тайное общество. Сговор...» И это слово «сговор», пущенное подвыпившим тестем на кухне, вскоре было подхвачено всей многочисленной Оксаниной родней и через какое-то время вернулось к Сергею устами его жены. К удивлению Оксаны, Сергей громко безудержно расхохотался. Екатерина Васильевна, которая присутствовала при этом, метнула на дочь красноречивый взгляд и молча удалилась. «Диагноз» Василия Ивановича был подтвержден.

...Дни проходили незаметно. Незаметно наступили летние каникулы, долгожданное время для детишек и учителей средних школ. Отпуск почти на все лето, обилие солнечных дней, чувство освобождения, – все это нахлынуло на Сергея новым приливом бодрости, и он почувствовал, что именно эти летом ему удастся избавиться от своих тревог и сомнений и обрести долгожданный покой. За день до отпуска в школе в мастерской кабинета рисования тесный коллектив отмечал окончание года. Пили шампанское, веселились. Одна из коллег Сергея Петровича, выпускница Суриковки Марина пьянела быстрее остальных, рассказывала не очень остроумные анекдоты, смеялась над ними сама же, пыталась нашептать на ушко Сергею какую-то только ему понятную историю, о которой он впервые слышал... Потом почему-то они остались наедине, учителя куда-то волшебным образом исчезли, Марина ласково отняла у Сергея тросточку, с которой он не расставался из-за хромоты, поставила ее в уголок просторной мастерской, подошла к Сергею вплотную и

прижалась губами к его губам. Сергей почувствовал что-то неестественное и ненастоящее в этом поцелуе, достал из кармана свою серебряную полурЫбку-талисман... И оказался прав интуитивно: и вес, и размер, и рисунок чешуек не совпадали вовсе. Однако это не омрачило общего веселья. Вернулись откуда-то по волшебству остальные коллеги, и пиршество продолжилось...

Фигурка девушки, над которой он трудился уже больше года, аккуратно стояла на журнальном столике под широким сводом настольной лампы. Когда вечерами Сергей, включая лампу, оживлял эту миниатюрную смотровую площадку и, откинувшись на спинку кресла, вглядывался в свое творение, он с радостью замечал, что не хватает каких-нибудь двух-трех штрихов в овале лица и линии шеи для того, чтобы творение было завершено. Мужчина понимал, почему так ревниво к его увлечению относилась жена – фигурка девушки была совершенно не похожа на Оксану, и при этом выглядела такой реальной, будто где-то совсем может быть недалеко от города, в котором жил Сергей, жила и ОНА. Такого просто не могло быть, чтобы не жила она, чтобы не дышала тем же воздухом, не ходила по той же земле... такого не могло быть, потому что не могло быть – величайшая из всех логик мира!

3

...Она жила недалеко от города, в котором жил Сергей, и писала письма самой себе, в пустоту, в надежде быть услышанной Богом...

«Милый мой, родной, ты где-то есть на свете. Быть не может, чтобы не было тебя. Недавно прочитала я Маканина, не по программе школьной, для себя. Для школьной я уже ничего не читаю, работаю учителем литературы в старших классах. Маканина люблю, он хорошо о любви пишет. Знаешь, милый, есть такая городская легенда о мужчине и женщине, которые носят с собой серебряные брелоки, полурыбки с узором чешуек, с рисунком плавников и глаз... И когда мужчина влюбляется в женщину, то они непременно должны достать свои талисманы и приложить их друг к другу. Говорят, что совпадение бывает – бывает одно на миллион! Нет, я не плачу, милый, так слегка всгрустнулось... такой уж слезный сегодня выдался день, реденький дождик, легкий сплин, почти как Лондон. Только не Лондон и не Париж. К черту Париж и Лондон! Мне нужен ты, единственный – один из миллиона. Да, на меньшее я не согласна. Твоя Юлия.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.